

ПАОЛО СОРРЕНТИНО

НЕ САМОЕ ПЕРВОЕ

Фотографии Якопо Бенасси

CoRpus

На мужчин надо смотреть весело.

Они такие смешные.

А изливать душу лучше женщинам.

ПАОЛО СОРРЕНТИНО

Паоло Соррентино

Не самое главное

«Corpus (АСТ)»

2016

УДК 821.131.1-32
ББК 84(4Ита)-44

Соррентино П.

Не самое главное / П. Соррентино — «Corpus (АСТ)», 2016

ISBN 978-5-17-163329-5

Эта книга содержит двадцать три черно-белых портрета, выполненных известным фотографом Якопо Бенасси, и двадцать три биографии этих персонажей, выдуманные знаменитым итальянским режиссером Паоло Соррентино. Герои рассказов – миллиардер и ресторанный певец, босс мафии и неутомимая картежница, многократный убийца и обладательница трех университетских дипломов... В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.131.1-32
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-17-163329-5

© Соррентино П., 2016
© Corpus (АСТ), 2016

Содержание

Эльзина Мароне	6
Роберто Каппа	18
Ада Бакко	22
Пеппино Валлетта	28
Илениа	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Паоло Соррентино

Не самое главное

© 2016 Mondadori Libri S.p.A., Milano,
© А. Ямпольская, перевод на русский язык, 2018,
© А. Бондаренко, макет, 2018,
© А. Хораш, оформление обложки, 2018,
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*«Какой мне от этого толк?
Никакого.
А вам?
Вы – мерзкие шакалы, вот что я вам скажу».*
Аркадио Латтанцио

Эльзина Мароне

Эльзина Мароне родилась в Ферраре в 1940 году, а в 1958 году она впервые прошлась, покачивая бедрами. Эльзина была одета, представление длилось секунд десять, покачивание было еле заметным.

Впрочем, этого оказалось достаточно, чтобы в роковую ловушку попал и ослеп от любви семидесятивосьмилетний Марио Валле – владелец торговой марки пива “Валле”, завоевавшей славу и всемирную известность.

Брак продлился четыре года: столько потребовалось Марио Валле, чтобы сделать Эльзине ребенка и перестать путаться у нее под ногами, умерев честной и скорой смертью.

Во второй раз Эльзина прошлась, покачивая бедрами, в 1962 году: на сей раз голая, хотя представление опять длилось десять секунд, а покачивания – опять были еле заметные.

Случилось это за несколько недель до смерти Марио.

В тот миг она была очаровательна как никогда: желание заполучить деньги превратит любую в красавицу.

Цель ее – добиться подписи Валле под завещанием, которое она сама предусмотрительно заготовила.

Подпись появилась ровно через девять минут после того, как Эльзина совершила забываемое движение бедрами.

Заготовленное Эльзиной завещание противоречило составленному самим Валле документу в параграфе 4, пункт “В”: Марио намеревался оставить сестре четыре миллиарда старых лир.

Эльзина в собственной редакции пункта “В” оставила за сестрой Марио право на парковочное место, если той вздумается наведаться на пивзавод “Валле”.

Настоящее издевательство: всем известно, что у пивзавода “Валле” нет отдельной парковки.

Марио даже не прочитал этот пункт – то ли из-за одолевавшего его недуга, то ли оттого, что его глаза насытились чудесным эротическим представлением, которое Эльзина подарила ему во второй раз за четыре года.

Он подписал. А потом умер с радостью в глазах.

Сестра Марио провела остаток жизни, готовясь совершить идеальное убийство Эльзины Мароне.

Зря тратила время и силы.

На следующий день после похорон Марио Эльзина Мароне забрала сына и колоссальное наследство и перебралась в суперзащищенный анклав в Монте-Карло.

В дар княжеству она принесла 49 миллиардов лир 1962 года и ей, расстелив красную дорожку, предоставили гражданство.

Эльзина уехала из Феррары, чтобы больше туда не возвращаться, и приобрела девятикомнатные апартаменты – с террасой, выходящей на порт Монте-Карло, – на последнем этаже современного, полупустого кондоминиума, где обитают призраки, имеющие гражданство Монако, а на самом деле живущие где-то еще.

Кроме того, она купила замок в Провансе, шале для занятий зимними видами спорта в Швейцарии, пятикомнатную квартиру в шестнадцатом округе Парижа, пентхаус в верхнем Ист-Сайде в Нью-Йорке и тридцатидвухметровую яхту. Теперь яхта стоит на якоре в поле зрения Эльзины.

Оставшиеся деньги она препоручила заботам финансового консультанта, который обслуживает князя Раньери, – французу армянского происхождения по имени Жерар. С ним Эльзина за все годы переспала девять раз.

О числе встреч с Раньери точных сведений не имеется.

Приняв семь перечисленных выше мудрых решений, Эльзина произнесла незамысловатую фразу:

– Теперь я свободна и счастлива.

Скажите, она не права?

В довершение ко всему пивзавод “Валле” работал без кризисов и увеличивал состояние Эльзины с неприличной скоростью. Лишь в 2013 году производство упало на 0,4 процента.

Эльзина закатила сцену директору, но тот объяснил ей, что снижение, вероятно, объясняется растущей популярностью крафтового пива.

Эльзина немедленно добилась интервью в журнале “Панорама”.

Она дружит с заместителем главреда, который тоже официально проживает в Монако. Эльзина пообещала откровенно рассказать о своей личной жизни и в ходе интервью сделала следующее, не вполне бескорыстное заявление:

– Одно из самых очевидных проявлений упадка человечества – распространившаяся недавно идиотская страсть к крафтовому пиву.

Эльзина Мароне выкуривает по семьдесят сигарет в день, но не страдает табачной зависимостью.

А еще она говорит не “мусорка”, а “мусорная корзина”.

Свободное время Эльзины – это чудесный оазис, незанятое пространство, которому, как России, нет конца и края.

В 1963 году, когда она, ошав от сонной жизни в Монако, наблюдала с террасы своего дома за Гран-при, ей захотелось попробовать себя в роли женщины-пилота Формулы-1. Четыре года спустя ей это удалось: в 1967 году она приняла участие в Гран-при Бельгии с небольшой командой, которую, если верить злым языкам, сама и спонсировала.

Пришла она предпоследней, но все дружно согласились, что дело не в водителе, а в машине.

И хотя причиной тому были не скромные спортивные результаты, страсть к автомобилям оказалась мимолетным увлечением.

Эльзина Мароне живет вспышками чувств, которые загораются и гаснут в зависимости от того, куда в ее голове дует ветер. У богачей, сидящих день-деньской сложа руки, так часто бывает.

Однако с той поры, когда под ее окнами проходит Гран-при Монте-Карло, Эльзина находит повод куда-нибудь уехать.

Впрочем, она ведет в Монако бурную, блестящую светскую жизнь. Она – один из руководителей Красного Креста и важная персона среди бюрократов и светских лиц, которые отвечают в Монако за благотворительность. Поэтому без нее не обходится ни один бал, коктейль, чаепитие с участием князя или княгини или благотворительный вечер. Эльзина посещает спортивные мероприятия и давно потеряла счет приглашениям на ужины и вечеринки.

Сама она принимает гостей крайне редко и старается много не тратить, поскольку отличается прижимистостью.

На людях Эльзина, неизвестно зачем, хвастается, что у нее низкое давление.

Ее маме сто девять лет, и она ни разу не покидала Феррару.

Мама живет в двухкомнатной квартире вместе с попугаем: он, по ее словам, защищает от воров.

Попугай и правда кричит всякому, кто носит джинсы:

– Держи вора! Я звоню в полицию!

Воры, как известно, всегда носят джинсы.

Три недели назад, пребывая в уверенности, что подобные чувства ей уже не угрожают, Эльзина влюбилась с первого взгляда в Джеймса Марча, многообещающего пилота Формулы-1, который проживает с ней в одном доме, этажом ниже.

Марч редко бывает в этой квартире, однако после того, как на пробных заездах в Австралии попал в аварию и получил серьезные переломы обеих ног и кисти руки, он решил до выздоровления спокойно пожить в Монте-Карло.

Джеймс Марч, точная копия приятеля Барби Кена, даже не подозревает о существовании Эльзины.

Эльзина до смерти боится ирисок. Однажды она сунула в рот ириску, а та прилипла к зубному мосту, да так крепко, что даже водородная горелка ее не брала.

Одна из серьезных забот Эльзины – зубы. Из-за них она страдает всю жизнь.

Во рту у нее архисложное, хрупкое архитектурное сооружение – мосты, импланты, коронки. Поэтому ей кажется, будто рот не ее.

“Нелегко жить столько лет с чужим ртом”, – размышляя об этом, она печально вздыхает.

Однажды в ближайшем супермаркете она встретила Мика Джаггера. Собираясь выйти в море на яхте, тот просил у продавца самый мягкий сэндвич.

Эльзина внимательно посмотрела, как Мик шевелит языком, и пришла к выводу, что он тоже живет с чужим ртом.

Князь Раньери много лет помнил слова, которые Эльзина произнесла перед французскими активистами Красного Креста:

– Мы говорим “будущее”, памятуя о малости настоящего.

Вспоминая эту фразу, великий человек, князь Раньери, восклицал:

– Как это верно!

И на всех парусах мчался обратно, в царство дремы.

Ближе к вечеру, опрокинув на террасе рюмочку водки, Эльзина заснула, любуясь закатом. Она проспала с полчаса, а когда проснулась, уже стемнело.

Настроение было испорчено.

Однажды в казино, резко поднявшись со стула в приливе радости, чтобы забрать неожиданный выигрыш – она поставила все на двадцать один и выиграла в тридцать шесть раз большую сумму, – Эльзина неожиданно пукнула, да так громко, что ее услышали все сидевшие за столом четырнадцать человек.

По вторникам она ходит в казино, где просаживает за вечер в среднем двенадцать тысяч евро.

Армандо Таверна – менеджер шикарного кондоминиума, в котором проживает Эльзина, именуемый ниже “консьержем”, оставил для нашей состоятельной дамы сообщение.

Драгоценная записка гласила: “Пилот Джеймс Марч узнал, что Эльзина тоже пилот, а знает, его коллега. Он будет рад выпить с ней чаю в среду вечером”.

При этом он просит о любезности: встретиться у него дома, поскольку ноги его обездвижены и он не может ходить.

Прочитав драгоценную записку, Эльзина немедленно сделала три дела.

Она улыбнулась. Позвонила Таверне – ответить согласием на приглашение.

И отправилась к пластическому хирургу, который сразу же сделал уколы в самые критические, покрытые глубокими морщинами части лица и шеи.

У Эльзины Мароне две пухлые записные книжки с номерами телефонов. Одна для живых. Вторая для мертвых.

Пару раз она ошибалась и набирала номер покойных друзей.

Однажды ее собеседник взял трубку, но не произнес ни слова.

Эльзина так испугалась, что попросила сына, который живет в Милане, приехать и побыть с ней неделю.

Пока она ждала сына, в дом залетела летучая мышь. Обезумев, мышь принялась кружить по комнатам. И тогда Эльзина осознала, что значит “смотреть смерти в глаза”.

Армандо Таверна, мастер на все руки, поймал мышь полотенцем и выпустил на свободу.

Эльзина отказалась забирать полотенце и спросила Армандо, может ли кондоминиум возместить ей его стоимость.

Таверна и глазом не моргнул, а только ответил:

– Надо перечитать устав.

В качестве чаевых Эльзина вручила Таверне коробку шоколадных конфет, которые после неумолимого нашествия летней жары покрылись белым налетом – любители шоколада страдают его, как смерти.

Двенадцать лет назад в этом полупустом кондоминиуме владелец сталелитейных заводов из Южной Африки убил молодую жену, американку, бывшую девушку месяца в “Плейбое”. Пока супруга спала, он ее поджег.

Противопожарная сигнализация сработала с роковым опозданием, и ее полностью заменили после этого трагического случая, который Эльзина всякий раз вспоминает, перед тем как уснуть.

Сын Эльзины Манлио Валле, адвокат, налоговый консультант, прожил у матери неделю. Они почти не разговаривали. Отношения были весьма официальными. Впрочем, мать и сын никогда не были близки. Манлио с детства сплавляли в престижные колледжи.

Накануне отъезда из Монте-Карло Манлио признался матери, что не знает, как быть: у него есть любовница, и эта любовница хочет, чтобы он расстался с женой.

Эльзина дала ему разумный совет.

Она сказала:

– Ты не из тех, у кого хватит сил на двух женщин и один дом. Советую тебе завести два дома и одну женщину.

Пытаясь решить мудреную математическую задачку, Манлио раздраженно спросил:

– Хорошо, но которую из женщин мне выбрать?

Эльзина бесстрастно ответила:

– Ту, у которой сексуальные запросы проще.

Манлио буквально последовал ее совету.

И остался доволен.

В среду после обеда Эльзина, у которой от волнения слегка скрутило живот, спустилась этажом ниже выпить чая с Джеймсом Марчем.

Она застала пилота в пространии, в глубочайшей депрессии.

Из-за сломанных ног он не участвовал в соревнованиях, которые шли в это время в Малайзии. А ведь в случае победы Марч поднялся бы в рейтинге пилотов на первую строчку.

Вот почему Марч сидел напротив Эльзины и не раскрывал рта.

Чай они пили в атмосфере неопределенности.

И тут Эльзина нарушила молчание остроумным наблюдением:

– Вы заметили, что по сравнению с прошлыми годами вокруг стало меньше карликов, бродячих собак и людей с заячьей губой?

Джеймс согласился, скорбно моргнув голубыми глазами – воплощением нежности.

Поскольку на сегодняшний день заячьи губы, бродячие собаки и уж тем более карлики его совсем не интересовали, он решил сменить тему:

– Мне рассказывали, что вы тоже принимали участие в гонках.

– Да, но я вам говорила не о машинах, – резко заметила Эльзина.

Джеймс улыбнулся, пристально взглянул на зрелую даму и сказал:

– Вы правы. Мне тоже лучше забыть о них на какое-то время.

– У вас есть помощник? – спросила Эльзина заботливо, словно пожилая тетушка.

– Конечно, у меня есть Валентино. Он постоянно при мне, – ответил Джеймс и прибавил после неожиданной паузы: – Только мыться трудно. Валентино охотно помогает, но мне неудобно, что меня моет мужчина.

Спазм в желудке Эльзины достиг силы извержения вулкана.

В придачу шею пронзила острая боль.

И Эльзина отважилась:

– Хотите, я вам помогу? У меня масса свободного времени, а я так люблю чистоту.

Джеймс Марч улыбнулся:

– Благодарю, вы очень любезны, но я не стану вас беспокоить. Просто нужно найти сиделку.

– Как хотите, – ответила Эльзина, и ее сердце упало.

Тем и окончилось чаепитие в среду вечером.

Уже на пороге Эльзина ни с того ни с сего сообщила молодому пилоту:

– Знаете, у меня низкое давление.

Джеймс Марч в ответ соврал с плохо скрываемым удивлением:

– Да, мне говорили.

У Эльзины Мароне, как у Ким Новак, синдром Морриса. Это значит, что генетически она мужчина, но мужские гормоны не вырабатываются.

Вечером, когда разгоряченная Эльзина лежала в постели, ей почему-то подумалось, что амиши, наверное, часто занимаются сексом. Интересно, почему.

Потом она вспомнила, как много лет назад символом прогресса для нее стал первый домофон, который установили в ее доме в Ферраре.

От воспоминаний о первом домофоне у нее на глаза навернулись слезы.

Чего уже давно не случилось.

Она подумала, что “навернулись слезы” звучит красиво.

А еще поняла, что единственное, о чем она сожалеет в жизни, – это о том, что когда-нибудь жизнь закончится.

Ее охватила зависть к тем, кто останется.

Долгий-долгий праздник будущего, на который ее не позовут.

Вот вам и веская, постоянная причина ненавидеть молодежь.

Потом кружение мыслей ее убаюкало, и она заснула.

Спала Эльзина беспокойно. Ей снился неутомимый Джеймс Марч.

На следующее утро она вышла на кухню совсем обессиленная.

В голове крутились слова, которые она не слышала с самого детства:

“Первый блин комом”.

Она решила своими руками приготовить печенье с вишневым повидлом.

А потом отнесла его Джеймсу Марчу.

– Вкусно, – похвалил Джеймс.

– Возьмите еще, – сказала Эльзина так заботливо, что сама себе удивилась.

Джеймс поднял руку, словно говоря “стоп”:

– Мне нельзя. Нужно сохранять прежний вес.

– Нашли сиделку? – поинтересовалась Эльзина, смело переходя к тому, что ее интересовало.

– Нет еще. Монако – логово стариков, за сиделками здесь бегают, как за геологами после землетрясения.

Эльзина и бровью не повела.

Джеймс сообразил, что ляпнул что-то не то.

– Простите!

– Ничего. Главное, в этом логове стариков периодически появляются такие, как вы, – ответила Эльзина, вытаскивая на свет божий давно похороненные таланты соблазнительницы.

Она встала с кресла и медленно подошла к окну. Посмотрела на улицу. А потом в третий раз в жизни, почти незаметно для глаза, хотя ей шел семьдесят седьмой год, покачала бедрами.

Джеймс Марч это увидел.

Заметив движение Эльзины, он невольно вздрогнул.

Стена равнодушия дала трещину. Вызванная аварией депрессия отступила на время, и Джеймс попросил:

– Пока я не нашел сиделку, может, вы и правда поможете мне мыться?

Из чего Эльзина сделала единственный неоспоримый вывод:

“Зря я редко покачивала бедрами. Мужчинам так мало надо”.

А потом, чувствуя, как все ее тело сжалось от волнения, сказала:

– Конечно. Я только сначала покурю на балконе?

– Разумеется, – ответил Джеймс Марч.

Эльзина открыла балконную дверь, и в комнату влетел прелестный ветерок. Она выплыла на балкон. Монте-Карло казался прозрачным и неподвижным заливом. Закуривая, Эльзина подумала, что правильно сделала, переехав сюда миллиарды лет назад.

Несмотря на неподвижность, Джеймс Марч сохранил прежний вес.

Эльзина аккуратно, словно кружевница с острова Бурано, сняла с него спортивный костюм.

Давление подскочило. Того и гляди, начнутся приливы, живот раздуется, станет трудно глотать, однако Эльзина, словно окопавшийся воин, храбро сопротивлялась по всем фронтам.

Нельзя выдавать панику. Нужно вести себя как настоящая сиделка.

А грустный скрип, который издает старое тело, пусть раздастся потом, когда она останется одна.

Спортивный костюм был снят, на скульптурном теле юноши остались одни трусы.

Эльзина смочила полотенце и принялась протирать мраморный торс. Осторожно втянув воздух, она почувствовала запах его тела.

Спазмы свежести.

Эльзина умирала. Умирала от любви. Ей хотелось плакать от радости, но она сдерживалась.

Марч бесстрастно глядел в пустоту и позволял обмывать себя холодной водой. Он лишь постанывал от удовольствия: для Эльзины это было все равно, что получить Нобелевскую премию мира.

Она спросила:

– Так хорошо?

– Так очень хорошо, – ответил Джеймс и закрыл глаза.

Эльзина не стала долго раздумывать и решилась. Как ни в чем не бывало, она стянула с Джеймса трусы.

Он не возражал, даже ни слова не проронил.

Эльзина увидела намек на эрекцию. Ничего подобного она не видела ровно двадцать лет.

Секунд десять она пребывала в ступоре.

Джеймс ничего не заметил, потому что глаза у него были закрыты. Но он обо всем догадался.

Эльзина взяла другое, чистое полотенце, смочила его, принялась протирать юноше пах, а потом, не останавливаясь, стала мыть ему член.

Намек на эрекцию перешел в полноценную эрекцию.

Они не открывали глаз, пока рука Эльзины избавляла Джеймса от накопившегося напряжения. Жемчужное ожерелье оказалось забрызгано спермой.

Оба молчали.

Эльзина сделала все как надо. Быстро вытерлась, потом помыла Джеймса. Спокойно его одела. И в заключение доставила обратно в гостиную.

Взяв сигареты и сумочку, Эльзина спросила с видом профессионалки:

– Когда вас снова помыть?
– Сегодня вечером, – ответил Джеймс Марч.
Эльзина кивнула и направилась к выходу.

На лестнице ее шатало, как пьяную.
Потом она подумала про себя:
“О Господи!”
И прислонилась к стенке, чтобы не рухнуть от довольства собой.

Три дня спустя Эльзина и Джеймс Марч, поскольку погода была чудесная, вышли из порта на тридцатидвухметровой яхте Эльзины.

Они немного поплавали, потом Эльзина велела экипажу остановить яхту в открытом месте, не бросая якорь.

Она собственноручно приготовила спагетти с боттаргой¹, как любит Джеймс.

После обеда пилот задремал в инвалидном кресле.

Эльзина в цельном купальнике любовалась своим греческим богом, и тут ей в голову пришла невероятная мысль:

“Неужели у меня появился бойфренд?”

Что ответить, она не знала.

Вернее, отвечать не хотелось.

Главное – настроение резко взлетело вверх.

Внезапно она почувствовала, что полна жизни. Словно подросток, у которого только вчера начались каникулы.

Поэтому она решила понырять.

Чего не делала с 1984 года.

Пока Эльзина летела с яхты в воду, с силой оттолкнувшись ногами, она громко пукнула.

К счастью, на сей раз оглушающий шум никто не слышал.

Оказавшись в воде, она принялась шалить, словно дети в тихий час. Потом попросила матроса бросить ей маску.

Матрос выполнил просьбу.

Первая попытка обернулась неудачей. Эльзина не успела схватить маску, и та стремительно исчезла в бездне.

Матрос бросил другую, чтобы она тоже не утонула, но рискуя попасть Эльзине в лоб.

Надев маску, Эльзина посмотрела, что под водой.

Но яхту по ее распоряжению остановили далеко от берега. Видно было лишь ровную, плотную голубизну, через которую пробивались солнечные лучи.

На корме Джеймс Марч нехотя проснулся. И сразу же вспомнил фотографию своей подружки, немецкой топ-модели по имени Ингрид, а еще вспомнил фотографию, на которую наткнулся вчера на сайте, где собирают светские сплетни. На последней фотографии Ингрид снята на вечеринке в Нью-Йорке: она улыбается, повиснув на черном репере из Детройта с нелепым именем X2BLP.

В голове у Джеймса параллельно родились две мысли.

Первая – стоит ли ревновать?

Вторая: как же она его называет?

¹ Боттарга – сушеная икра кефали или тунца.

Разочарованная морскими глубинами, Эльзина приняла решение, близкое к самоубийству: она решила задержать дыхание и проплыть под яхтой, от одного борта к другому, как делала в юности.

Только в юности она выполняла этот акробатический трюк с надувной лодкой, а теперь собралась выполнить с морским чудовищем шириной двенадцать метров.

Она сделала глубокий вход и в приливе смелости забыла о риске.

Проплыв треть пути, она наконец-то поняла, что делает самую страшную глупость в жизни.

Она ни разу не промахнулась, ни разу не совершила тактической ошибки с тех пор, как впервые покачала бедрами перед будущим мужем, а сейчас, в весьма почтенном возрасте, все-речь рискует умереть.

И Эльзина решила: надо вернуться обратно.

Она всплыла на поверхность, ясно понимая, что только что была на волосок от смерти.

Она хватала воздух и хрипела, словно умирающая. Поддавшись панике, Эльзина судорожно барахталась и кричала, что тонет.

Один из матросов увидел, что ей нужна помощь, и, не раздеваясь, прыгнул в воду.

Приобняв Эльзину, он поплыл к яхте.

Эльзина, почти без чувств, тихо прошептала:

– Спасибо!

Джеймс ничего не заметил. Для этого и нужны большие яхты. Чтобы не все происходило у всех на виду. Чтобы каждый переживал свой позор в одиночестве.

Потом Эльзина постарается отблагодарить матроса, который спас ей жизнь, и отправит ему упаковку бумажных салфеток с игривой, летящей надписью:

*Montecarlo, je t'aime*².

Матрос и его жена несколько дней смеялись до слез, до колик, вспоминая скрягу Эльзину Мароне.

Филипп Донцелли, мужчина шестидесяти лет, пугающий и двуличный, словно арабский эмир, которого все в Монте-Карло боялись, потому что, будучи вторым человеком в государстве после князя Альберто, он выполнял обязанности и самые неприятные поручения правителя, через два дня после злополучной прогулки на яхте вызвал Эльзину Мароне к себе в кабинет.

Эльзина предстала перед ним, сияя от счастья, поскольку за два дня она вымыла Джеймса Марча целых шесть раз, и пропела радостно:

– Привет, Филипп, как дела?

Донцелли не ответил, потому что в это время писал сообщение по электронной почте, однако у него оставалось еще немного умственных сил – ровно столько, чтобы *en passant*³ сообщить Эльзине, что в силу возраста ей лучше отказаться от руководящей должности в Красном Кресте и уступить место племяннице банкира из Туниса, который только что переехал в Монако.

Разочарование Эльзины проявилось конкретным симптомом.

Она почувствовала острую боль в единственном малом коренном зубе, который остался у нее с юности.

Реликвия, которой она невероятно дорожила и с которой, ежедневно чистя зубы, обращалась нежно и трепетно, как с настоящей дивой.

² Я люблю тебя, Монте-Карло!

³ Между делом.

Она узнала эту боль. Это был нарыв: в недавнем опросе общественного мнения нарыв занял ту же строчку, что и кластерная головная боль, уступив лишь почечным коликам и естественным родам.

Тем не менее она решила разыграть свою карту.

Эльзина встала, подошла к изумительному комоду восемнадцатого века и в четвертый раз в жизни совершила то самое покачивание бедрами. Чему способствовало предусмотрительно подобранное легкое платье.

Однако на сей раз, обернувшись проверить, какое впечатление произвел ее спектакль, Эльзина обнаружила, что Филипп Донцелли как ни в чем не бывало сидит за компьютером и пишет письмо.

Обиженная и раздосадованная, она обрушилась на него:

– Будь жив Раньери, этого бы никогда не случилось!

Не отрываясь от монитора, Филипп Донцелли сказал:

– Эльзина, Раньери считал тебя дурушкой. Он не отправил тебя в отставку, потому что боялся, что ты расскажешь Грейс о вашей интрижке.

Американская топ-модель Ингрид, напившись, позвонила Джеймсу Марчу и сообщила, с трудом ворочая языком, что решила с ним порвать, потому что влюбилась в X2BLP.

Джеймс почти не расстроился, он только спросил:

– Ничего, я все понимаю, только сделай мне одолжение... Скажи, как ты его называешь? Неужели всякий раз, обращаясь к нему, нужно произнести X2BLP?

– Не издевайся. Я понимаю, что тебе обидно, Джеймс, но ты скоро придешь в себя. Хочешь – останемся друзьями, – сказала топ-модель.

Джеймса Марча всегда злит, когда ближние ложно истолковывают его намерения.

И он бросил презрительно:

– Слушай, я не издеваюсь, и мне не обидно. Мне правда интересно знать, как ты к нему обращаешься. Просто любопытно.

– Ты так говоришь, потому что не ожидал моего звонка и злишься. Но ведь ты знаешь, что не я одна виновата. У нас давно не ладилось, – выдавала она банальности, подобающие топ-модели.

Джеймс взорвался:

– Слушай, ты что, не понимаешь, что мне на тебя наплевать? Мне только интересно знать, как в обычной жизни обращаются к человеку, который называет себя X2BLP?

Ингрид решила поставить жирную точку:

– Ты просто дурак, Джеймс!

И, не попрощавшись, закончила разговор.

Джеймс, не заметив, что его больше не слушают, крикнул в пустоту:

– Мик, Фрэнки, Энтони? Как ты его называешь, черт возьми! Ну, давай, скажи!

В общем, ближе к вечеру, когда Эльзина, как обычно, принесла Джеймсу печенье и радостно готовилась к ритуальному омовению, она обнаружила человека, который сидит и смотрит в пустоту.

Она тоже тяжело переживала историческую отставку.

Кроме того, она несколько отупела из-за антибиотика, который еще не подействовал. Эльзина не только мучилась от боли, словно смертельно больная, но и постоянно закрывала ладошкой раздутую щеку – из эстетических соображений.

– Хочешь, начнем с купания? – предложила она.

- Прости, не сегодня, – грустно ответил пилот Формулы-1.
- А чего тебе хочется? – с материнской нежностью спросила Эльзина.
- Поправиться и опять сесть за руль.
- Я не могу тебя вылечить, зато мы можем прокатиться на машине по окрестным холмам.

Выбирай: “роллс-ройс” или “бентли”? Я сама поведу. А я, знаешь ли, неплохо вожу.

Услышав такое, Джеймс улыбнулся и сделал выбор:

- “Роллс-ройс”.

Эльзина ведет спокойно и уверенно.

Джеймс умиротворен, ни о чем не думает, ему нравится, что его катают.

Мимо пролетают долины, цветочные плантации, луга, где пасутся кони.

Джеймс отводит глаза от окошка и сосредотачивается на изрезанных морщинами руках Эльзины, которые мягко и умело держат руль.

Джеймс растроган. На глазах у него слезы: он следит за красивыми движениями рук на руле – вот чего он желает больше, чем всех топ-моделей.

У него вырывается:

- Красиво водишь!
- Знаю, – отвечает безо всякой позы Эльзина.

Они долго молчат. Потом Джеймс опять нарушает тишину:

- Ты случайно не слышала о репере по имени X2BLP?

– А как же. В прошлом году он выступал у нас в Монте-Карло на благотворительном вечере. Я с ним познакомилась.

Джеймс оживает:

- Ты случайно не помнишь, как к нему обращались?
- Стивен. На самом деле его зовут Стивен.

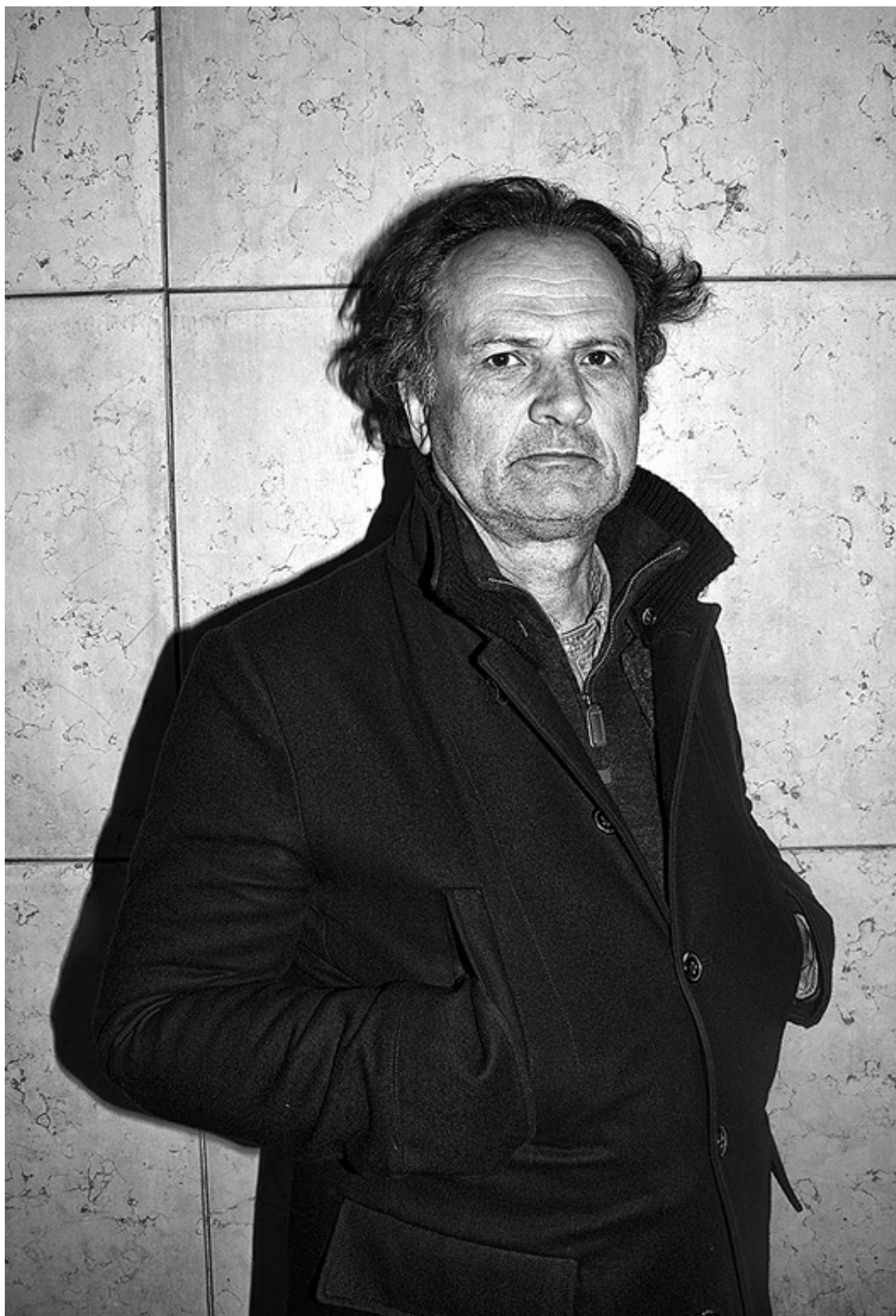
Джеймс Марч вздыхает с облегчением.

Потом прибавляет:

- Эльзина, ты великая женщина.

– Знаю, – отвечает Эльзина, кладя руку между ног Джеймса, а затем, словно мамаша, которая немного сердита на сына, заканчивает разговор: – Только, Джеймс, сегодня тебе надо помыться. Договорились?

Роберто Каппа

Если коротко, его личность можно описать знаменитой фразой, которую он выдал первой жене пятнадцать лет назад в разгар долгой и изматывающей словесной перепалки. Он произнес:

– Да, конечно, Летиция, я бы мог судить обо всем справедливо и беспристрастно, но я выбрал жизнь.

В этом он весь. Роберто Каппа. Инженер-электронщик из Падуи. Спокойный человек. Его пронзительный, словно наэлектризованный голос всех подкупает. И мужчин, и женщин.

Дети его тоже обожают, потому что, когда Каппа вам улыбается, он одобряет вашу жизнь. Безоговорочно.

У Роберто постоянно, безо всякой причины, отличное настроение. Раньше таких людей называли компанейскими.

Он не только получил отличную подготовку за годы учебы, но и по сей день обладает колоссальной интуицией во всем, что касается компьютеров и программ.

Роберто никогда не отказывается помочь друзьям и знакомым, если нужно установить модем, увеличить память или перегрузить зависший планшет.

Поэтому все воспринимают его как заботливого отца.

А еще он охотно остается пропустить стаканчик вина и при этом подробно, с жаром готов сообщить о победах и поражениях прошедшего дня.

Если Роберто рассказывает о победах одинокой женщине, то нередко оказывается у нее в постели.

Красавица или уродина, толстая или тощая, молодая или старая – ему безразлично.

Человеческое тепло, как говорит Роберто Каппа, не зависит от внешности.

Он невозмутимо залезает в постель, словно дрессированный медведь, и блаженно растягивается на одной стороне, пухлым животом вверх. После мягкого соития он неизменно просит разрешения закурить. Ему никогда не отказывают.

Компанейский он человек, Роберто Каппа. С ним никогда не чувствуешь себя неловко. Потому что у него правильная улыбка.

И он никуда не спешит.

Роберто Каппа любит кипарисы и в то же время боится их: они напоминают ему о сексе и в то же время о смерти.

Он обожает пасту. В нем девяносто килограммов тщеславия. Именно столько он и весит.

Однажды в июне, после обеда, он увидел толпу и решил посмотреть, что происходит.

Неорганизованное собрание сторонников Берлускони.

И тут из подъезда вслед за могучими телохранителями вышел он сам, Сильвио Берлускони.

По чистой географической случайности Роберто Каппа оказался лицом к лицу с кавалером, который, расплывшись в ослепительной и задорной улыбке, поздоровался с ним:

– Привет, красавчик!

Рефлексы у Роберто сработали быстро, и он блестяще нашелся с ответом.

Роберто потребовал:

– Обращайтесь ко мне на “вы”!

Но Берлускони его не услышал. Или притворился, что не услышал. Он уже ушел.

Эту историю Роберто больше всего любит рассказывать своим многочисленным подружкам.

Вечером, прежде чем отправиться спать, он представляет себя в гробу. Там всегда слишком тесно.

Или слишком просторно.

Однажды душным сентябрьским днем Мелания Фавилла, тощая брюнетка тридцати девяти лет, обладательница древнего компьютера, – что покоится у нее в углу гостиной, – а также обвисших треугольных грудей, спросила у Роберто:

– Роберто, как тебе удастся всегда сохранять спокойствие?

Роберто, лежавший голышом, без одеяла, повернулся на спину, глубоко затаился и ответил:

– В детстве я жил рядом с больницей. Ночью было слышно, как плачут младенцы. Днем – как плачут родственники умерших.

Вечером, когда он возвращался домой от Мелании, пролетавшая мимо чайка задела его левое ухо.

Он испугался. Но потом улыбнулся.

Семь лет назад, расставшись с Летицией, он вернулся к родителям, которые сейчас уже умерли. Отличная четырехкомнатная квартира. В одной комнате он устроил кладовку: ничего лучшего ему в голову не пришло.

Роберто никогда и никого не приглашает к себе домой.

Сексом он занимается на выезде.

Как футбольная команда.

Образцом чистоплотности нашего Каппу не назовешь.

После долгого использования в центре наволочки появляется подозрительный бежевый круг, а наволочки он меняет редко.

Четыре дня назад, пытаясь починить ящик родительского комода, Роберто обнаружил спрятанную в глубине записку, которую мама оставила отцу. Красным фломастером было написано: “Мерзавец, на Новый год я тебя убью”.

Четыре дня назад, после такого открытия, у Роберто Каппы начался тяжелый, затяжной кризис. Он позвонил на работу и сказал, что берет больничный. С кровати он вставал, только чтобы взять очередную бутылку воды или сходить в туалет. Роберто перестал есть.

Вот уже четыре дня он спит или смотрит в потолок.

В глубине души он гордится тем, что у него пропал аппетит.

Отец Роберто скончался третьего января десять лет назад после мучительной агонии, которая началась в первый день нового года.

В те страшные дни о причинах смерти как-то не думали. Врачи высказывали противоречивые мнения. В конце концов, Роберто предпочел об этом забыть.

На самом деле он до сих пор не знал, отчего умер его отец.

До сегодняшнего дня.

Спустя два месяца после смерти отца мать покончила с собой, выбросившись с седьмого этажа. Из этой самой квартиры.

Во втором случае она тоже оставила записку:

“У меня депрессия. Вообще-то у меня всегда была депрессия, но до смерти мужа я об этом не догадывалась”.

Роберто принимает решение. Он встает с постели. Идет в гостиную. Упершись руками в бока, замирает. Давно не стиранный пижама задубела.

У Роберто слегка подергивается левый глаз. Он не вполне уверен в том, что делает, и нервничает.

Даже если глубоко не дышать, можно почувствовать, что у него воняет изо рта. Четвертый день он не чистит зубы. Роберто стоит и размышляет, разглядывая ковер, который его отец любил и расхваливал, а мама молча терпела.

Перед ним два пути: сосредоточиться на прошлом и на загадочной смерти отца. Или все забыть и вернуться к обычной жизни.

Но Роберто из тех, кто, выбирая одну из двух возможностей, в конце концов не выберет ни ту, ни другую.

Поэтому он так и стоит неподвижно в гостиной.

Чувствуя себя чужим в этом мире.

Только теперь ему вспомнились слова, которые он сказал Летиции и которые на самом деле придумал не он: их произнесла его мать однажды вечером, когда они сидели дома вдвоем – отец был на работе.

Они сидели на кухне в подрагивавшем неоновом свете лампы и ели обыкновенную яичницу.

Стояла такая тишина, будто все вокруг умерли.

Ему было всего одиннадцать лет.

И тут мама неожиданно сказала, бросив на него испепеляющий взгляд живых карих глаз:

– Роберто, я, конечно, могла бы судить обо всем справедливо и беспристрастно, но я выбрала жизнь.

Вот почему Роберто и сейчас, как в детстве, кажется, будто он слышит плач родственников умерших.

Ада Бакко

Ночью, лежа в постели, прежде чем уснуть, она всегда вспоминает поздний августовский день, когда нечаянно увидела из коридора, как отец сидит на кухне и плачет.

Сдержанно, тихо, чуть присвистывая, – много лет спустя ей казалось, будто скулил маленький зверек.

Ей было шестнадцать, когда занавес распахнулся и она увидела, какое оно, горе.

Порой жизнь начинается с предвестия смерти.

Лето, у которого не было будущего, умирало: растянутые старые трусы, валяющийся на столе черствый хлеб, прижатые к животу колени и печальное освещение на итальянских кухнях: свет не выключают даже днем.

Кран открыт: вода протечет и станет холоднее.

Убитые горем отцы жмутся по углам – невозможно на них смотреть.

Для детей это словно удар ножом.

Отцы не умеют плакать. Плакать красиво. Так бывает, когда делаешь что-то очень редко.

Разве можно привыкнуть к тому, что человек, который должен тебя защищать, плачет.

Становится свежо. Значит, скоро наступит осень, наступит будущее.

Ада собиралась на свидание с женихом. Все как обычно: долгие вечера, когда стоишь часами, прижавшись к ограде, целуешься враскоряку, руки копаются под одеждой... взрывы смеха, обещания, которые невозможно сдержать, восторг, словно возносящий на пьедестал. И вдруг отец Ады решил все испортить. Забился в угол кухни, теперь вечер – не будущее, а цепь препятствий.

Но она все равно ушла гулять с женихом. Возьмем свитерок. Надевать не стану, но пусть напоминает о досадном препятствии.

Подростки умеют оставлять все тревоги дома. Остальные – нет. Не получается. Тащат тревоги с собой на улицу. Складывают в корзинки супермаркетов.

Где же мама? Ушла и ничего не сказала. Наверное, поэтому плачет отец.

Куда подевалась мама? А кто ее знает.

Отцы плачут из-за того, что будущее никак не наступит.

Но Ада об этом еще не догадывается. Ей всего шестнадцать.

Вернувшись домой, она опять оказывается под незаметным глазу колпаком горя. Волны непонимания между родителями. Смерть будущего, прочитывающаяся за молчанием и косыми взглядами.

В воздухе, словно аромат для помещения, висит запах ссоры.

Семейные сцены забудутся, но испорченное настроение прилипнет к тебе надолго.

Дни болезни все никак не кончаются.

Потом Ада стала изучать фармакологию.

Нездоровая страсть всех лечить.

Включая родителей.

Собственная аптека. Престарелые дамы, которые мечтают не выздороветь. Иначе чем потом заниматься?

Есть, правда, и те, кто все свободное время посвящают болезням.

Это просто хобби, не лучше и не хуже других, – поняла Ада, стоя за прилавком аптеки.

На наркоманов было больно смотреть: они уходили и возвращались – и всякий раз казались все меньше ростом, все тщедушнее.

Ада решила больше не продавать шприцы. Но наркоманы все равно заглядывали в аптеку. Всегда найдется кто-нибудь новенький, кто-нибудь, кто еще не знает, что здесь шпри-

цами не торгуют. После их визита остается осадок: уже отвыкла иметь дело с такими клиентами.

Зато мужчины отличаются педантичностью. Требуют подробнейших объяснений. Называют диагнозы. Просят совета. Словно в упаковку не положена инструкция. Смерть видится им повсюду, она прячется за простудой и первыми признаками ревматизма. Мужчины не умеют плакать и не хотят проживать жизнь наполовину.

Вздыхают:

“Как же они справятся без меня?”

Но те, кто остаются, потом как-то справляются.

Вечная ошибка мужчин – бесконечно преувеличивать собственную значимость.

Умиравшие забывают, что для тех, кто остается, всякая смерть – боль и освобождение одновременно.

Поскольку умирающие страдают, они верят только боли.

Сорок пять лет. Ада Бакко подсела на мазь для спины “Лазонил” и мазь от простуды “Викс вапораб”.

Обычные паллиативные средства, помогающие вернуться в детство, когда ей было девять лет.

Когда не надо было ни от чего выздоравливать, потому что все, что ей было нужно, – болеутоляющее действие мазей и мамы.

Когда нежные мамины руки мазали ее хрупкое и слабое тело, даря спокойствие, которого Ада с тех пор не испытывала.

Мамы и мази – одно и то же.

Пока не повзрослеешь.

В том-то и трагедия: все, что мы чувствовали в детстве, потом уже не испытать.

Фруктовые леденцы, которые она сосала в восемь лет, – совсем не похожи на сегодняшние, хотя представитель фирмы всякий раз клянется, что с тех пор их рецепт не изменился.

Изменилась Ада. Она привыкла к жизни. Оттого ей и плохо.

Дело в том, что, как она говорит, разум и опыт ослабляют силу и полноту детских переживаний.

В детстве ты не сталкиваешься с бюрократическими кознями времени и с медленным течением жизни.

У детей мир похож на интересное кино.

Режиссеры вряд ли догадываются, что кино – и это тоже. Кино – мир глазами ребенка.

Значит, работа в аптеке – не только воплощение детской мечты работать в аптеке.

Это разочарование. Как и все остальное.

По утрам, лежа в постели, прежде чем окончательно проснуться, Ада Бакко перечисляет в уме все разочарования в своей жизни.

Вот они.

В девятнадцать лет она была разочарована, когда прошла вместе с друзьями тест и обнаружила, что у нее очень высокий IQ.

Будучи умной, она сразу поняла, что этот дар принесет ей одни беды и огорчения. Так оно и случилось.

Год спустя жизнь подтвердила ее догадку.

Джачинто, сын богачей, будущий нотариус, бросил ее, потому что он якобы ее не достоин.

Она-то полагала, что ловко скрывает свое очевидное превосходство.

Но даже ее молчание красноречиво говорило: между ней и женихом огромная разница.

От собственного ума не сбежать. Это ловушка.

Аду ничуть не утешило, что Джачинто – как она узнала много лет спустя – не пошел по стопам отца и не стал нотариусом, а умер от передозировки в своем “порше”, на стоянке у автострады по пути в Геную.

На соседнем сиденье нашли рекламу проигрывателя hi-fi.

Радужная перспектива, но она его не спасла.

Ада разочарована закатами.

Разочарована матерью. Той, которая оживлялась только когда собиралась отлучиться. Исчезнуть неизвестно куда.

“Где ты была?” – робко спрашивал отец Ады.

Мать отвечала долгим молчанием.

Когда любовь бьется головой о стенку, дойдешь до сумасшедшего дома.

Ада осталась разочарована однообразием итальянской поп-музыки и пошлыми трюками гитаристов, которые завершают все песни одинаково, пытаясь завести танцплощадку и убивая всякую надежду на оригинальность.

Она осталась разочарована сексом с Маурицио – воздыхателем, ростом и напористостью напоминающим Наполеона.

Только в отличие от Наполеона у Маурицио в постели не было никакой стратегии.

Им двигал один животный инстинкт. А у инстинкта, как известно, есть большой недостаток: он быстро угасает.

Она осталась разочарована зоопарком, цирком и школой в дождливые дни.

Точнее, тем, что в зоопарке, цирке и школе пол посыпают опилками.

Она осталась разочарована книгами Камиллери и фильмом “Шестое чувство”, поскольку уже на шестнадцатой минуте поняла: Брюс Уиллис – мертвец.

Такие фильмы противопоказаны людям с высоким IQ.

Она осталась разочарована тремя четвертями тех лекарств, которые ежедневно продает у себя в аптеке.

Она упорно считает, что мир движется вперед благодаря неписаному договору между людьми: суть его в том, что все над всеми издеваются, каждый в рамках своей профессии.

Она пришла к выводу: профессионализм – искусство обманывать ближних.

Впрочем, фокусники из телевизора Сильван и Тони Бинарелли тоже профессионалы.

Жизнь как вид развлечения.

Варьете без блесков. Зато все комические дуэты на месте.

Ада осталась разочарована Витторио Згарби⁴, которому на заре его телевизионной юности она приписывала некоторую интеллектуальную живость.

Ада всегда говорит: Згарби совершил непростительную ошибку, сведя интеллектуальную живость к живости, и только.

Когда единственный смысл живости – бичевать окружающих, живость становится пошлой.

Смысл живости в самой живости.

Поэтому Аду никогда не разочаровывал спорт.

Во время Олимпийских игр она оживает.

Отчаянное проявление живости, цель которого – помахать в воздухе кружком из поддельного золота. Вот что до сих пор вызывает у Ады волнение.

В любом случае о Згарби она больше не говорит. Крикуны приводят зрителей в возбуждение, но быстро надоедают.

Она разочарована теми, кто говорил ей, что она красивая, зато ей льстило, когда ее называли сексуальной. Позже она с горечью поняла: лесть длится не дольше чиха.

Это как шприцы для наркоманов, которыми она больше не торгует. Поддашься на лесть один раз – будешь зависеть от нее всю жизнь.

Ада разочарована собой и тем, что говорили ее друзья, когда ей было девятнадцать и выяснилось, что она жутко умная: она непременно станет звездой.

Ее разочаровал собственный ум. Благодаря ему она не только превратилась в обычного человека, но и начала относиться к людям с подозрением.

Когда ты умен, за углом поджидает бесконечная усталость.

Мужчины не умели ее любить. Но и она внесла вклад в свое поражение. Не сумела сделать так, чтобы кто-то стал ей необходим. Не постаралась, чтобы подвернулся подходящий случай.

Она всегда знала об этом. Мы ведь об этом подозреваем, но гоним подобные мысли. Повезло тем, у кого IQ не столь высок.

Она же блуждает в лесу своих мыслей. Она лишена свойственного невеждам цинизма. Она опускается на самую глубину – к таким глубоким мыслям, что потом не всплыть на поверхность. Как безбашенные ребята, которые только начинают заниматься подводным плаванием.

В конце концов всегда возвращаешься к мгновению, когда ты начал понимать. И чувствовать.

Увидев, как отец плачет в августе, в себя уже не прийти.

Так все и случается.

Переставешь замечать жизнь.

Еще одно горе, которое не потрогать рукой и которое бьется головой о стенку.

В конце концов, наберись Ада смелости спросить у отца, почему он плачет, ее жизнь сложилась бы иначе. Наверное.

⁴ Витторио Згарби – искусствовед, политик, журналист. Часто выступал на телевидении, прославился весьма резкой манерой ведения дискуссии. Его книги переведены на русский язык.

Ей пришлось бы догонять ушедший поезд и принимать решения, которые казались необязательными.

Она по-другому взглянула бы на то, что в ее жизни нет любви. Впрочем, хотя она и умная женщина, на это ее не хватает.

Как пела Лоредана Берте, “мы придаем любви слишком большое значение”. Вопрос закрыт.

Еще одно ее качество, типичное для суперодаренных людей.

Они ничего не спрашивают, потому что заранее уверены, что знают ответ.

А ведь любой ответ может удивить. Любой.

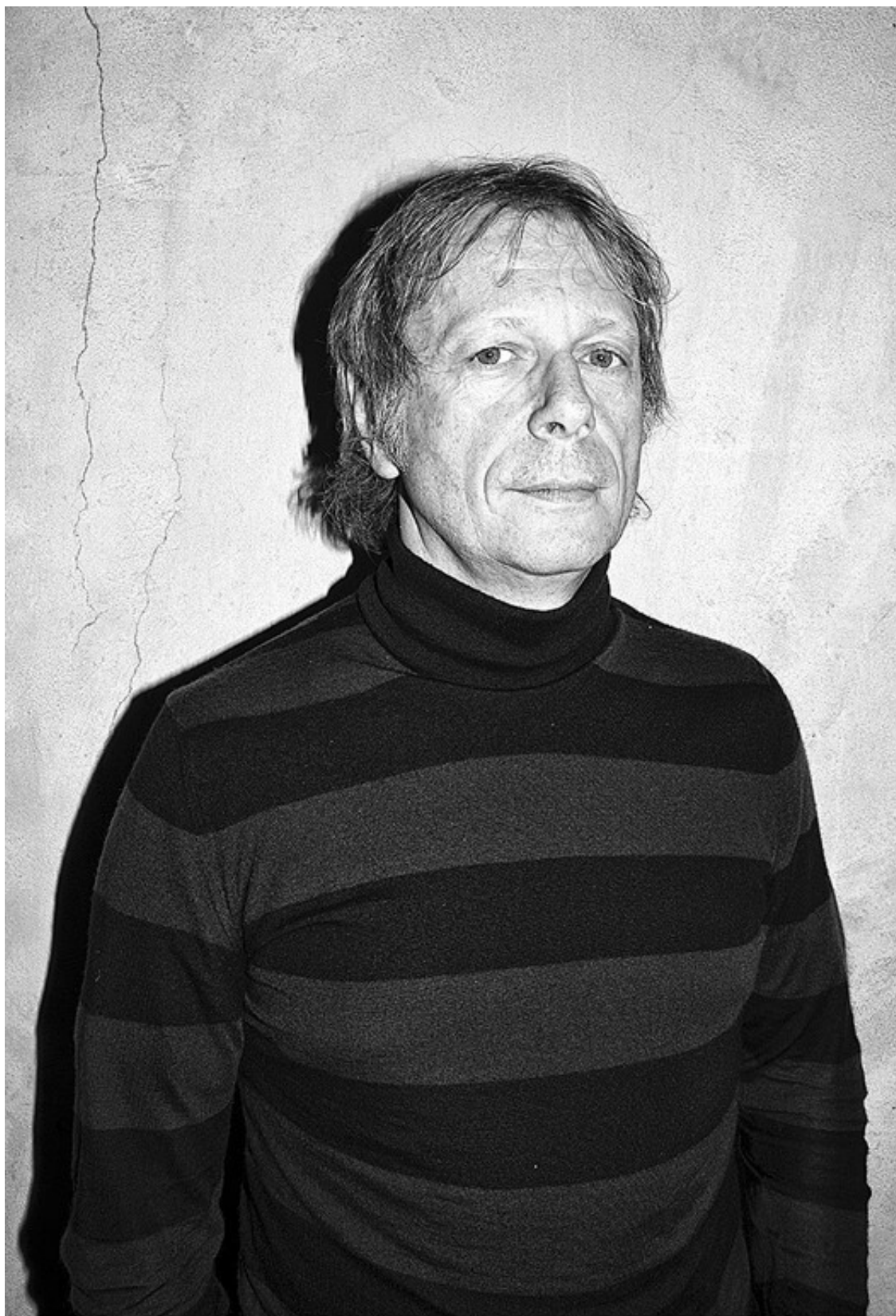
– Жизнь уже не начнется заново, – сказал отец, когда мать бросила его без лишних объяснений.

Всякий раз, вспоминая слова отца, Ада холодеет.

“Я пошла в него”, – думает она.

Снова лето. Воды в кране нет. Холодильник набит бутылками минералки. Сегодня так принято. Но свет на кухне по-прежнему тусклый. Отец по-прежнему плачет. Аде не спится. Плакать она будет потом. Дни болезни никак не закончатся.

Пеппино Валлетта

Так говорит певец пиано-бара Пеппино Валлетта всякий раз, когда заканчивается сезон.

“Мне часто казалось: эта ночь перевернет мою жизнь. Но ничего не происходило”.

Он стоит перед пляжем Порто-Ротондо, вглядываясь в туманный рассвет и держа в руках бокал, в котором еще час назад было виски, а теперь, как символ бесконечной печали, остался только растаявший лед.

Воды, противнее на вкус, не бывает.

Пеппино, который в свои семьдесят лет выглядит еще ничего, прибавляет устало:

– Все эти женщины почти ложились на мой рояль, демонстрировали глубокий вырез, очаровательно улыбались, шептали названия песен и умоляли: “Прошу тебя, Пеппино!”

И все меня обманывали.

На следующий день, протрезвев, они меня не узнают. Или делают вид.

Внезапно все исчезает.

Может, утро и нужно для того, чтобы забыть стыд прошлой ночи?

Ночной народ – толпа закомплексованных людей.

При свете все иначе. Днем меня, Пеппино Валлетты, не существует.

Я – оптическая иллюзия.

Если не считать романтической выдумки о рояле, потому что Пеппино Валлетта играет на цифровом пианино “Роланд”, все остальное правда.

– В следующем году завязываю, – шепчет он со слезами на глазах. А вот и неправда. Не может он завязать.

Каждое утро Пеппино убеждается, что мечты растворяются в воздухе. Иллюзии растворяются.

Он снова оказывается в двухкомнатной квартирке над “Твенти” – легендарным заведением на Изумрудном берегу, где он выступает уже двадцать шесть лет. Вместе с Пеппино проживает его сын Антонио, которого отец называет “вспыльчивым малым”. Вообще-то у малого серьезное отставание в развитии.

Тридцатидвухлетний Антонио – плод недолгого ночного приключения, которое Пеппино пережил, когда еще выступал в Линьяно-Саббьядоро. Когда мальчику исполнилось шесть лет, мать сбагрила его отцу.

Метелла – так зовут женщину, которая однажды вечером, много лет назад, явилась к Пеппино вместе с молчащим ребенком и объявила:

– Это твой сын.

Потом сказала:

– Вы пока познакомьтесь, а я сбегаю в гостиницу – надену другие туфли.

Вместо этого она решила начать другую жизнь.

Метелла исчезла бесследно, как загадочные, вызывающие ужас люди, о которых по телевизору рассказывают в программе “Пропал без вести”.

Разве забудешь ночь на парковке у “Бочки” – ресторана, где работал Пеппино.

Не забудешь, потому что той ночью возникла семья.

Перед ним шестилетний Антонио – немое, лохматое, некрасивое, беззащитное, усложняющее жизнь существо.

Два глаза, в которых то и дело вспыхивает печаль.

Потерянный, бездонный взгляд: два красивых, печальных глаза.
А зубы кривые.

По шоссе носятся BMW богатеньких буратин, которые пытаются сбить друг друга.
Влажность, как в Стамбуле.

В Линьяно-Саббьядоро вновь появляются живые и мертвые.

Пеппино с Антонио стоят перед “пандой” Пеппино.

Пеппино разглядывает результат прерванного полового акта, оставленный на фikusе за туалетом одного заведения.

Он спрашивает у Антонио, сколько ему лет. Тот не отвечает.

Вместо этого он открывает дверцу “панды” и садится в машину. Сразу засыпает.

Пеппино растроган.

Антонио просыпается и делает то, что Пеппино будет помнить до самой смерти: запирает дверцу на замок, хотя стекло опущено. И опять засыпает.

Вернется Метелла или нет, Пеппино за четыре секунды понимает, что теперь вся его жизнь и вся любовь, на которую он способен, принадлежит существу, которое запирает дверцу машины, не подняв стекла.

Какой же он дурак, Пеппино. Еще секунду назад он думал, что его единственная любовь – музыка.

На самом деле его любовь зовут Антонио.

Тогда Пеппино расплакался. Последний раз в жизни.

Потом пришлось закатать рукава.

Где же Метелла?

Как у нее хватило духа бросить сына, оставив его жалкому певцу из пиано-бара?

Неужели Антонио мой сын?

Загадочное существо, которое часами разглядывает вилку, потом вскакивает и принимается пинать стул, пока тот не превратится в грудку деревяшек.

Помню только, что у Метеллы были короткие волосы. Каштановые, оттенка, какого я раньше не видел. Морозный каштан.

Всего этого Пеппино Валлетта никогда не говорит вслух.

Пеппино не плачет. Хотя у него есть такое право. Он с жизнью на “ты”.

Ночная жизнь – иллюзия. Или аллюзия на голые и потные женские бедра, запах которых смешан с почти выветрившимися духами.

Реальность Пеппино – его сын. Все настоящее связано с детьми.

Остальное – фоновый шум, мистификация. Чем старше Антонио, тем меньше Пеппино замечает все остальное.

По ночам Пеппино играет на пианино, поет и выпивает до двенадцати бокалов виски со льдом.

Утром, разбуженный в восемь часов воплями, которые сопровождают разрушительную деятельность Антонио, Пеппино в очередной раз понимает, что проспал всего три часа.

Чтобы не отправиться на тот свет, до шести вечера Пеппино нюхает кокаин.

Никакого удовольствия от кокаина он не получает.

До заката он трезв. Сидит в одиночестве и скучает, разглядывая в море гигантские яхты, на которых ему доводилось плавать.

Когда на яхте устраивают праздник, его ставят где-нибудь в углу, чтобы не мешал. Так он и поет в углу. Зато платят по двойному тарифу.

Нечеловеческими усилиями он накопил семь тысяч евро. Вот о чем он думает на закате. Это наследство он оставит парню, который даже не знает, что такое семь тысяч евро. Он вообще ничего не знает.

Вглядываясь в прозрачное морское дно у берегов Сардинии, Пеппино находит силы подумать о чем-то хорошем:

“Рано или поздно я напишу книгу – расскажу обо всем, что повидал за годы работы”.

Пеппино есть что рассказать. Он видит мир в мгновение, когда все всплывает на поверхность, когда наружу выплескиваются соблазн и пошлость, мерзость и надежда.

Ночь, между прочим, всегда дарит надежду.

Наглецы, отчаявшиеся актриски, мрачные арабы, политики без тормозов, неряшливые аристократки, путаны, которым до смерти наскучила развеселая жизнь, сердитые юноши, девчонки, которые умирали от стеснения, пока не нашли белый порошок, неаполитанские семьи, готовые залезть в долги, лишь бы занять в “Твенти” столик в первом ряду, ростовщики, представители фирмы “Пионер”, приехавшие прямо с работы клерки в белых рубашках, которые уже выпростались из брюк, бизнесмены, ослабившие узел галстука, таницы на столе, белоснежный лен скатерти, натужный смех, который никому не помогает раскрепоститься, бурные аплодисменты, текущий ручьями пот, потерянные золотые браслеты – на следующий день за ними в пиано-бар придет филиппинец, который не говорит по-итальянски.

Ночь, между прочим, всегда означает потерю.

Пеппино все повидал и все понял. И никогда не приторговывал наркотой. Примерно ведут себя только отцы, которым не на кого оставить детей.

Чтобы работать и дальше, нужно притвориться, будто ничего не замечаешь.

Нужно кудяхтать в микрофон, который то и дело заедает и начинает свистеть. Нужно валять дурака. Ресторанный певец с умными глазами, обнажающий перед публикой душу, никому не нужен.

Пеппино Валлетте нужно развлекать публику. Чтобы развлекать, нужно устраивать шумное представление. Чтобы устраивать представление, нужно делать вид, будто тебе на все наплевать.

На самом деле в жизни важно все. Вот что понял Пеппино Валлетта.

А от него ожидают, чтобы он относился к жизни как к веселой прогулке.

Налюбовавшись закатом, он приступает к трогательному ритуалу.

Пеппино возвращается к себе в двухкомнатную квартиру и готовит Антонио скромный ужин.

Потом, усадив его смотреть мультики, дает снотворное.

Антонио тридцать три года, а кажется, будто он так и остался стоящим на забитой парковке шестилетним малышом.

Не запирая дверцу, Антонио глубоко засыпает. В это время Пеппино может сходить под душ, надеть атласную рубашку цвета фуксии и черные брюки.

Грустная униформа для веселья.

И отправиться в пиано-бар.

Пеппино теперь охраняет Антонио вместо замка. Настоящий отец.

Около полудня он берет Антонио за руку и отводит на далекий пляж, куда никто не ходит. Волны приносят сюда кучи водорослей.

Они спокойно купаются. Пеппино укладывает Антонио на воду. Тот лежит, словно звездочка. Иногда Антонио засыпает. У Пеппино затекают руки. От семидесятилетнего старика требуются нечеловеческие усилия, чтобы удерживать на поверхности воды тридцатидвухлетнего ребенка ростом метр восемьдесят.

На сколько еще хватит Пеппино? Кто потом позаботится об Антонио? Да никто.

За старостью проглядывает страшная тьма. За старостью Пеппино – черная дыра.

Черная дыра, с которой он не собирается сражаться.

– Я своего сына в приют не сдам, – резко отвечает он, если его спрашивают о завтрашнем дне.

“Рок не для меня”, – так называется его единственный альбом, который он записал в двадцать два года.

Ему говорили, что он далеко пойдет.

Девять песен – одна хуже другой. Жалкое подобие свинга. Песни о любви – такие бесцветные, что, услышав их, влюбленные скорее расстанутся, чем будут обманывать себя историей про вечные чувства.

Он сочинил альбом за три дня, а записал за четыре часа.

Ему обещали, что для раскрутки одной из песен снимут музикарелло – теперь это называется клип.

Разумеется, обманули.

Режиссер Марио Апреа позвал его на кинопробы.

По окончании съемок он поглядел Пеппино прямо в глаза и произнес знаменитую фразу, убившую надежду на карьеру актера:

“Ты словно кусок говна”.

Потом Апреа закурил и исчез.

Исчез он, как водится, в бездне секса.

Красивый, словно святой покровитель циников, Апреа погиб неделю спустя в автомобильной катастрофе.

Некоторые готовы поклясться, что за рулем сидела Софи Лорен.

Софи и Марио, проведя бурный вечер в миланской гарсоньерке Апреа, после бесконечной череды безмолвных совокуплений, утратили быстроту рефлексов.

Агенту Лорен удалось замять скандал.

Иначе Карло Понти отправил бы ее в Поццуоли готовить пиццу.

На этот раз не понарошку. Не ради Паоло Стоппы⁵.

⁵ Имеется в виду комедия Витторио Де Сика “Золото Неаполя”, состоящая из шести новелл. В одной из них – “Пицца в кредит” – играют Софи Лорен и *Паоло Стоппа*.

Куда делись обещания и мечты юности?

Куда делось будущее?

Никогда и ничего не было.

Надеюсь, Антонио крепко спит.

Что ему снится?

Море? Или небо, на которое он тупо глядит, покачиваясь на волнах?

Он знает, что я его отец?

Он знает, что я готов за него умереть?

Он знает, что на все остальное мне наплевать?

А это кто такая? Кажется, я ее видел раньше. Неужели графиня Маланни? Тоже мне графиня... бывшая шлюха. Здесь об этом известно нам одним. Мне и ей. Поэтому она делает вид, будто мы не знакомы. Она переписала жизнь заново. У таких, как она, – семь жизней. Таких женщин отливают из железобетона.

Это точно она? Я ведь ее лет двадцать не видел. Охмурила придурковатого сынка Барбаро, производителя бытовой техники, который греб деньги лопатой.

Посулила ему оргии, пуган и наркотики в немереном количестве.

Парень сделал качественный скачок: от тщательного учета расхода и прихода до полной беззаботности. Все они так себя ведут, когда находится буксир, за который можно прицепиться и плыть.

А она ведет себя словно королева, превзошедшая всех своей развращенностью.

Какое красивое и редкое слово. Развращенность.

Интересно, Антонио понимает, что значит “любить”?

Антонио любит меня?

Ради какой награды я так стараюсь?

Почему мне ничего не сказали?

Почему ясно не объяснили, что награды не будет?

А новенькая девочка на подпевках вполне ничего. Забыл, как ее зовут. Милая. Одетая чуть старомодно. Это нехорошо: напоминает о времени, когда я еще на что-то надеялся.

Надежда умерла, как солдаты, которых подстрелили на первом же марше.

Шампанского! В том углу требуют шампанского. А вот моя нелюбимая песня.

Еще одно несдержанное обещание.

Что будет с Антонио, когда я умру? “У вас сердце пошаливает”, – сказал зимой врач в Пескаре. Вдруг я сейчас рухну на клавиатуру?

Интересно, как они будут дальше веселиться в компании мертвеца?

Разве я такого не видел? Я и не такое видал. Где же это было?.. Ну да, я выступал в Альба-Адриатике, наверное, году в тысяча девятьсот восемьдесят третьем. Бармен медленно осел на пол. Аневризма аорты. Музыка перестала играть.

А когда тело унесли, меня попросили начать сначала.

Публика ночных заведений – варвары.

Раньше они захватывали земли, теперь – танцплощадки и кабинеты в ресторанах.

Все равно они просто варвары.

Переход от самогона к нью-йоркским коктейлям не означает, что человечество сделало шаг в будущее.

А все-таки эта девчонка из подпевки миленькая. Большие глаза. Я так мечтал о женщинах с большими глазами. Теперь они мне снятся и шепчут во сне:

“Я тебя понимаю, Пеппино”.

Или так:

“Пеппино, я люблю вас с Антонио!”

Наяву такого никогда не бывало.

А что бывало? Эх!

Незаконченные приключения. Пьяные, неуправляемые девицы. Дурочки, пытавшиеся заставить жениха или очередного хахалю ревновать к длиноволосому певцу.

Певец – я. Ничего выдающегося. Обычный голос. Танцую плохо. Слишком громко стучу по клавишам. Суетлив. Вот именно: петь как полагается не умею, поэтому начинаю суетиться. Я это понял в Пескаре, на концерте Паоло Конте.

Когда я увидел, что значит быть по-настоящему крутым и стильным. Двухдневная небритость, взгляд мутноватый. На губах усмешка. Харизма и власть.

Я тогда подумал: “Ага, вот, значит, как надо”.

Так-то вот.

В сентябре, когда летний кошмар кончится, я отвезу тебя, дорогой мой Антонио, в Лурд.

На этот раз мы правда туда поедem. Попросим Богородицу сделать тебя поспокойнее и чтобы мне на сердце тоже стало спокойнее. Я попрошу ее о том, чего больше всего желаю: чтобы ты взглянул на меня с любовью, по-человечески, чтобы ты прочел в моих глазах, как сильно я тебя люблю, а я в твоих – как сильно ты любишь меня. Ни о чем другом я не стану просить. Чтобы мы с тобой молча обменивались живыми, а не пустыми взглядами, чтобы ты не выглядел отсутствующим, чтобы я мог прожить день с одной простой мыслью: я установил с сыном отношения, хорошие отношения.

Отведу-ка я завтра Антонио поесть рыбы. А то он все время ест красное мясо.

Одни говорят, что мясо件зно, другие – вредно. Пришли бы уж врачи к единому мнению.

Может, и доктор, который сказал, что у меня сердце пошаливает, ошибся.

С девчонкой на подпевках я еще не разговаривал, но все и так ясно. Мечтает попасть на “Голос”, а потом прямоком на Сан-Ремо. Я и сам хотел попасть на “Ищем таланты”, а потом прямоком на Сан-Ремо. Так что я и сам хорош. Не надо смотреть на молодежь презрительно, с высоты своих лет.

Ты родился не для того, чтобы состариться, Пеппино.

Старость – зло, я такого не заслужил.

У меня нет таланта стареть. У меня вообще нет талантов.

Просто я очень добрый.

Скоро объявлю перерыв и схожу на задний двор покурить.

Антонио, сынок, я думаю о тебе. Все время думаю о тебе.

Значит, я настоящий отец. Настоящие отцы постоянно помнят о детях.

Вот о чем думает сегодня вечером Пеппино.

На задний двор ресторана “Твенти” он вышел, держа в руках стакан виски “Глен Грант”. Прислонился к стене, как мальчишка.

Девочка с подпевок тоже вышла.

Ее зовут Иления.

“Первая буква «И»?” – спрашивает Пеппино.

Она утвердительно хлопает глазами и не говорит ни слова.

Не разыгрывай из себя мудрого старика, Пеппино. Не надо. Ничего не делай. Пусть она сделает все сама.

Именно так с определенного возраста и надо себя вести с девчонками. Ждать, особо ни на что не надеясь. Сделают шаг вперед – не бросайся им навстречу, как в двадцать, тридцать и даже в сорок лет. Лучше выжди еще чуть-чуть. Ты мог неправильно понять. А в твоем возрасте сесть в лужу стыдно. Потом не отмоешься.

Когда за спиной столько разочарований, на новые разочарования сил больше нет.
А всякое унижение – еще один гигантский шаг в могильную яму.

Но она сама словно пытается сделать шаг навстречу. Глядит на него своими глазами. Ничего не говорит, но и не отводит взгляда. Он улыбается ничего не говорящей улыбкой. Она берет у него из руки сигарету.словно близкая подруга. Касается его руки и опять глядит на него. Затыгивается.

Он протягивает ей стакан, но она не берет:

– Я не пью.

– Умница, – говорит он.

Хватит уже вести себя как папочка.

Она по-прежнему улыбается.

Он глядит на землю, но не от смущения. Продолжая чувствовать на себе ее взгляд.

Она подходит совсем близко и целует его в уголок рта.

Ему не верится. Но это произошло. Он поднимает глаза и глядит на нее.

На мгновение, услышав запах ее духов, он вспомнил, как пахнет будущее.

Как волнительно! Как волнительно!

Она говорит:

– Я тебя видела утром. Вы с сыном ходили на пляж. Ты его поддерживал. Он качался на волнах, словно мертвец, но на самом деле это ты мертвец.

Пеппино растроган.

От молодых не ожидаешь услышать глубокие истины. Надо же, и такое бывает.

Она отдает ему сигарету и возвращается в ресторан.

Этой ночью Пеппино – единственный человек на всей Сардинии, который может сказать: “Я растроган”.

Все остальные флиртуют с собственным нарциссизмом. Это и называется “отпуск”.

Сколько времени никто не был со мной ласков?

Сын не знает, что такое ласка, разве что когда спит... Значит, это ангел.

Давно ли девушки из жалости целуют стариков в сморщенные губы?

Меня поцеловала девушка, которую зовут Иления. Ее имя начинается на букву “И”.

Неужели у нее нет парня?

Сколько ей лет?

С возрастом становится трудно определить возраст молодых.

Для меня все они двадцатилетние, хотя на самом деле не всем двадцать лет.

Мой сын не знает, что такое секс. Не помнит, что такое материнская любовь, да и любила ли его когда-нибудь мать? У него есть только я, а он меня не узнает.

Я для него не существую, а для меня существует только он.

А вдруг теперь для меня существует еще и Иления, чье имя начинается на букву “И”?

Не гони, Пеппино. А то опять все испортишь. Это твой большой недостаток.

Любовь видалась тебе там, где было лишь желание развлечься, вечность – там, где играли со смертью.

Преданность – там, где пропадал всякий человеческий интерес.

Разочарования все копятся и копятся. Их столько, что не увезти в чемодане.

Ночь – время, когда люди обо всем забывают. А я живу только ночью и помню одну только ночь. В этом-то и беда. Мы с другими людьми все время в противофазе.

Но ведь и Иления живет только ночью. Как я. В том же ритме, с теми же тревогами. Нами овладела скрытая печаль итальянской музыки. Убогие посетители. Чем больше денег, тем меньше вкуса и слуха. После трех ночи они начинают портить себе биографию. Кладут

сердца на полку, как в конце смены рабочие убирают инструменты. С середины июля уже попахивает концом летнего отпуска.

Опадают цветы. Опадают дни. А я каждую ночь умираю.

Я знаю об этом, и Иления знает.

А вдруг мы одинаково проводим утро? На самом деле мужчины и женщины, быстро исполнив ритуал сладострастия, мечтают лишь об одном – найти себе компанию.

Что говорила мне Марта Мардзотто⁶? Потрахались, и ладно. Вечно одно и то же. Людям нужно другое.

Я здесь, Иления, мы здесь с мальшиом Антонио. Я здесь. Мы ждем тебя, сидя смирно, – два здоровых и безвредных пса. Мне семьдесят лет. Я жду тебя и готов все простить, Иления. Что мне еще остается? Если ты этого захочешь, я буду только рад.

Вот о чем думает Пеппино ночью. Он лежит в постели. И не может уснуть. Он так и не снял черные брюки. Атласная рубашка расстегнута. Живот ходит вверх и вниз, полный виски, которое не подняло настроения. Страшная жара. Антонио рядом – спит, охваченный тяжелым, искусственным сном.

Пеппино вспоминает, что было потом. Он вернулся в ресторан. Подошел к клавиатуре. Она ждала с микрофоном в руке, улыбаясь нежно, как любящая сестра. Он запел песню Мины. Не просто так: он-то знал, что она об этом мечтает. Все певицы хотят петь песни Мины. Потому что они требуют и чувства, и техники.

Что еще? Чувство и техника, больше нам ничего не надо.

Прелюдия любви.

Ее благодарность не должна обманывать, но Пеппино обманывается.

Спутать благодарность с любовью – обычная ошибка, которую совершают ищущие человеческого тепла мужчины и женщины.

Надо хоть немного поспать. Уже светает. Скоро проснется Антонио и разбудит меня. А я свалюсь, если хоть чуть-чуть не посплю.

Впрочем, влюбленные не спят. А я влюбился. В Илению, чье имя начинается с буквы “И”.

Пеппино невольно улыбается. Словно жалея себя, но это не важно. Один из редких случаев, когда жалеть себя и надеяться – одно и то же.

Пеппино, время еще есть. Время еще есть.

Он закрывает глаза. Проваливается в сон. В то же мгновение Антонио просыпается с жутким воплем. Пеппино гладит его по голове. Антонио ничего слышать не хочет. Продолжает орать. Он голоден. Пеппино греет ему молоко, дает хлеба, Антонио орет. Потом ест и успокаивается. Пеппино прислоняется к стене и опять засыпает. На несколько секунд.

Потом Пеппино набирается сил, чтобы прожить утро. Без кокаина. По двум причинам: кокаин кончился, а еще он влюбился.

Сегодня вечером нужно сохранять ясность.

Он хочет увидеть Илению, как она есть, ясным, незамутненным взглядом.

И он ее видит. На работу он вышел благодаря силе любви, а не силе, которую дает отдых. Он не спал и не нюхал кокаина. Он один на один с быстро колотящимся сердцем.

⁶ Марта Мардзотто – известная модель и светская дама.

Но она не здесь. Она поет вместе с ним, но на него даже не смотрит. Между ними не пробегает слабая волна, как вчера вечером. Иления далека. И холодна. Передумала, решает Пеппино.

Еще одно разочарование. Шоу продолжается. Надо развлекать ночной народ. Вон русские девушки, пытающиеся просчитать свое будущее. Куда без них. Карабкаются наверх, заманивая дураков запахом секса. Солидные господа в летах взволнованы. Увидели русских. А вон парни, которые хотят все и сразу. Ничего они не получают. Те, кто что-то получают, ложатся спать в десять.

Пора на покой. Наплевать на пенсию. Наплевать на выходное пособие. Придумаю себе жизнь заново. На мне семья. Не могу же я вечно кривляться по пиано-барам. И так на меня смотреть тошно. Артрит усиливается. В ноты не попадаю. Буду играть в казино. Все скоро кончится. Антонио мне в старости точно не станет опорой.

Пеппино выходит отдохнуть, и тут возвращается надежда. Он курит и ждет. Иления тоже выходит, но не замечает его. Исчезает за кустами, прижимая к уху телефон. Напряженная, отсутствующая.

“Есть что-то еще. Кто-то еще. Разве можно быть таким наивным, когда тебе стукнуло семьдесят?” – думает Пеппино, гася окурок ногой.

Теперь Пеппино ждет рассвета. На рассвете он вернется к Антонио. Единственная постоянная величина в его лишенной надежды жизни. В жизни, от которой он ничего не ждет. Как и русские девушки.

Море в Порто-Ротондо как озеро, которое ничего не обещает.

Пеппино последним уходит из “Твенти”. Он до последнего бродил по залу, пытаясь вызвать у Илении хоть каплю интереса, но она словно замкнулась в горе, куда ему вход заказан. Молчаливая и отстраненная, она исчезает из поля зрения и с горизонта надежды.

Подавленный и опустошенный, Пеппино, как обычно на рассвете, отправляется на море.

Что-то не так. Искореженные лежаки, у берега плавают деревянные. Он не ожидал увидеть столько мусора. Пеппино вздрагивает. И вспоминает. Вспоминает, что вчера перед тем, как уйти на работу, забыл дать Антонио снотворное.

Пеппино становится страшно. Так страшно ему никогда не было. Жизнь словно уходит. Примитивное ощущение жизни исчезает, уступая место невыносимой панике.

Пеппино идет к воде. Шагает механически, не раздеваясь. И видит Антонио, который лежит лицом вниз, покачиваясь на волнах. Смерть пришла, не принеся освобождения.

Пеппино кричит.

Но ночь не слышит его, она спит.

Никто не слышит крик боли. Никто не разделит с ним траур. Вопрос закроют, свалив все на судьбу и случай.

Ночные жители – поганный народец.

Пеппино плачет, обнимая тело сына. Теперь они оба одетые, мокрые, мертвые.

Сын по одной причине, отец по другой.

Одна Иления глядит на него. Она плачет. Но Пеппино об этом не знает, он подавлен горем, которое не оставляет места ни для чего другого.

Пескара зимой! А почему не летом? Я вернусь в этот забытый итальянцами город, принеся всю свою печаль. Я и не догадывался, как важно было для меня присутствие Антонио.

Я и не догадывался, что мы были неразлучны. Мы были на свете одни, готовые противостоять судьбе. Ты и был моей наградой. А теперь кому мне противостоять? Следующему лету? Для меня лето уже не наступит. Ночь не наступит. Теперь днем я умираю, а в десять вечера ложусь спать. Я стар, одинок, зачем мне жить на свете? А жить приходится. Ну уж нет, я так легко не сдамся. Мать даже не пришла на похороны. Пришел кое-кто из соседей. И мне стало легче, и им. Принесли цветы. Теперь могут спать себе до восьми. До восьми, потому что мой сыночек Антонио больше не будит их поутру громкими криками.

Как же я любил тебя, Антонио! С тобой я понял, что такое любовь.

Какая разница, что любовь бывает другой? Что бывают другие, робкие встречи с чем-то, что может увести далеко. В дверь стучат. Сейчас я спокойно открою. Спешить больше некуда. Теперь я понял, что твоя жизнь, Антонио, парня с отставанием в развитии, не способного к самостоятельной жизни, была бесполезна. Как и моя. Пусть нас это больше не пугает, Антонио! Кто сказал, что от жизни должна быть польза? В дверь стучат, Антонио. А вдруг это ты. Пришел меня навестить после смерти. Пойду-ка все-таки открою.

Илениа

Первая буква – “И”.

Мне тридцать восемь лет. У меня было восемь мужчин, в жизни я ни к чему не стремлюсь.

Меня зовут Илениа⁷.

Я читаю и слушаю. И то, и другое можно делать в тишине, мне так спокойнее.

Прочитала недавно, что все женщины постоянно пытаются соответствовать выбранной роли.

Я – нет.

Они мечтают быть матерями и дочерьми, быстро делать карьеру, оставаясь при этом со своим мужчиной неспешной и ласковой.

Они разбираются в моде, в домоводстве, в прическах, в политике, в правах и обязанностях.

Я – нет.

Они требуют и борются.

Я – нет.

Меня зовут Илениа.

Первая буква – “И”.

Я это уже говорила, просто мне, как всегда, нечего сказать.

Что еще? Ну да, в шесть лет я случайно увидела, как отец сидит за кухонным столом, разглядывая каталог женского белья, – странно согнувшись, мокрый от пота.

Прошло двенадцать лет, и я поняла, чем он занимался.

Поняла, когда мне было восемнадцать и мой третий парень, Армандо, сорока двух лет, замер в той же позе, когда, словно покачиваясь на волнах, я лежала голышом на животе и тихо дремала на постели в трехзвездочном отеле на море в Гаргано.

Он сидел у письменного стола, держа в руке меню завтрака, но вовсе не собирался заказать завтрак, а извивался, как припадочный. Взглянув в мои большие, полуприкрытые глаза, он прошептал: “Пошевели попкой!”

Ну, я и пошевелила. Потому, что он попросил, и потому, что это совсем нетрудно: мне это не доставило ни удовольствия, ни радости, так как я не способна испытывать удовольствие и радость.

Из-за этого все считают, что я крайне тщеславна и слаба на передок.

Но вы и сами знаете: тщеславные люди всегда притворяются.

Вообще-то они ни к чему не стремятся, просто пытаются оправдать свое существование на земле.

И потом, тщеславие подразумевает отсутствие амбиций.

Мама была при смерти. Она всегда была при смерти.

Каждый день, вечно больная, с вечно повышенной температурой, она, словно в замедленной съемке, поднимала с постели руку, указывавшую только на лекарства и на стакан с водой. Веки красные, словно томатный соус. Глаза – белые, как и бледная кожа. Мама всегда была при смерти.

А потом однажды она на самом деле умерла. Мне было семнадцать.

Отец сказал, чуть не плача:

– Ты окончила школу. Пережила такое горе. Поезжай отдохнуть. Ты заслужила.

Ну, я и поехала вместе с Армандо в это местечко в Гаргано, названия которого уже не помню.

С Армандо я отпраздновала свое восемнадцатилетие. Романтический ужин у моря, которое не было спокойным, как озеро, но и не было бурным. Никакое, никому не нужное море.

⁷ Имя Илениа (Элениа) произошло от имени Елена.

Помню, что я ничего не чувствовала. Хотя все время думала: “Сейчас ты почувствуешь, давай, черт возьми! Тебе исполняется восемнадцать”.

Ничего. Только фоновый шум: Армандо говорил, что он меня любит, что я его возбуждаю, что он хочет всегда быть со мной. Его голос звучал как фоновый шум. Во мне от этого ничего не вздрагивало. И сейчас не вздрагивает. Он был как антидот, заглушал и страдания, и счастье.

Когда отпуск кончился, Армандо вернулся к жене. Я почувствовала облегчение: теперь можно было опять дремать, никто не мешал. По-настоящему мы живем в полудреме. Это известно. Все остальное время мы только и делаем, что мечтаем вернуться в блаженное оцепенение.

Армандо исчез, зато появился Саверио. Очкарик. Мой четвертый парень. Его я почти не помню.

Впрочем, я не собираюсь перечислять всех девятих. Не собираюсь вести себя как другие женщины: самоутверждаться через любовные истории с мужчинами.

Не потому, что я феминистка, а потому, что на самом деле мужчины мало меня интересуют, они меня ни капли не изменили. Это они меня бросали, а я, как человек равнодушный, всегда только вздыхала с облегчением. Одной обузой меньше, – думала я. Как если бы мне предстояло отправиться в банк, а тут звонит кассир и говорит, что все уже сделали, приходить не нужно. Как-то так.

Не думайте только, что мне хорошо с самой собой. Я просто живу. Предпочитаю не создавать лишних проблем.

Сцен ревности я вообще не понимаю. По-моему, это пустая трата времени. Безо всякого смысла. Мужчинам ревность нужна, она помогает им выполнять тяжелую задачу – самоутверждаться. Придает сил их вечно хромающему, растерянному эго. Ты для них как спарринг-партнер. На тебе они оттачивают свое тщеславие. Для этого мужчинам и нужны женщины. А мне ревнивцы не нужны. Вечно разыгрывают один и тот же спектакль, на который я добровольно не пойду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.